

©2023 А.В. МАЛИНОВ

В.И. ЛАМАНСКИЙ: ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВОЙНА ЯЗЫКОВ

Малинов Алексей Валерьевич — доктор филологических наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет.
Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
ORCID 0000-0002-1252-9193
a.v.malinov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы языка и войны в цивилизационной концепции слависта академика В.И. Ламанского (1833–1914). На основе архивных документов прослеживается отношение Ламанского к Крымской войне и Русско-турецкой войне 1877–1879 годов. Приводятся его оценки военно-политических событий. Отмечается, что политико-географическое учение Ламанского, сформулированное в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892) и в более ранних работах, было развитием славянофильских идей и включало положения, впоследствии развитые евразийцами. Указывается, что он давал не только географическое, но и лингвистическое определение цивилизациям, в частности, полагал, что цивилизационные миры скрепляются общим языком (всемирно-историческим языком). Согласно концепции Ламанского, сформулировавшему учение о языковой гегемонии, на смену противостоянию, в том числе военному, народов и государств, приходит конкуренция всемирно-исторических языков.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №21-18-00153, Санкт-Петербургский государственный университет).

В Европе, полагал он, между собой ведут борьбу три романских (французский, итальянский и испанский) и два германских (английский и немецкий) языка. Из них только испанский и английский языки, благодаря обширным колониям Великобритании и бывшим колониям Испании, смогут сохранить всемирно-историческое значение. Со временем, предполагал он, даже бывшие колонии Испании в Южной Америке могут перейти под власть англосаксов, а центр западного мира сместиться в Новый Свет. В Среднем мире или греко-славянском мире у русского языка нет конкурентов, поэтому он должен стать общим литературным, научным и дипломатическим языком, объединяющим народы Среднего мира в цивилизационное единство. Язык выступает главной геополитической силой, посредством которой сначала формируется культурное, а в перспективе и политическое единство. Исходя из философско-исторического анализа противоречий между романо-германским и греко-славянскими мирами, Ламанский приходил к выводу о неизбежности грядущей мировой войны.

Ключевые слова: цивилизация, политическая география, язык, Ламанский, греко-славянский мир, Европа, война.

Ссылка для цитирования: Малинов А.В. В.И. Ламанский: цивилизации и война языков // Человек. 2023. Т. 34, № 1. С. 130–147. DOI: 10.31857/S023620070024834-4

А.В. Малинов
В.И. Ламанский: цивилизации и война языков

Крупнейший отечественный славист Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) вошел в историю науки как создатель «исторической школы» [Лаптева, 2005: 378–431; Лаптева, 2014]. Действительно, благодаря его многолетнему преподаванию в Санкт-Петербургском университете (1865–1899) и деятельности учеников, занимавших большинство славяноведческих кафедр в российских университетах, история славянских народов отделилась от славянской филологии и стала восприниматься в качестве самостоятельной научной дисциплины. По инициативе Ламанского в 1902 году в Санкт-Петербургском университете для преподавания истории славян была открыта ставка приват-доцента, которую занял один из его учеников Н.В. Ястребов. Однако в последнее время внимание исследователей все больше привлекает геополитическое учение Ламанского, в котором справедливо видят одного из предшественников евразийства. Сам ученый считал себя в большей степени историком и политическим мыслителем, чем филологом. Полнее всего его политико-географическое учение было выражено в позднем трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), который В.П. Семенов-Тянь-Шанский охарактеризовал как «высший антропогеографический и политикогеографический синтез» [Семенов-Тянь-Шанский,

борьба, результатом которой являются новые политические территориальные группировки, новые соотношения» [Семенов-Тян Шанский, 1915: 14]. В этом же произведении Ламанский предсказывал ход будущей мировой войны. По словам В.П. Семенова Тян Шанского это было «верное, глубокое пророчество на полвека вперед, сделанное на основании широких антропогеографических обобщений и сопоставлений» [Семенов-Тян Шанский, 1915: 14]. При жизни книга Ламанского прошла почти незамеченной. Говорить о ее влиянии на современников не приходится, тем более сложно заподозрить воздействие идей Ламанского на европейскую науку и философию, хотя бы в том варианте, который допускают для концепций близких Ламанскому Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева [Тяпин, 2019]. О ней вспомнили в Первую мировую войну (Ламанский, умерший в ноябре 1914 году, застал ее начало). В 1916 году один из учеников Ламанского Г.М. Князев инициировал ее переиздание, в предисловии к которому отмечал, что лекции Ламанского 1876–1877 годов о восточном вопросе были «почти дословно сходны» с текстом «Трех миров Азийско-Европейского материка» [Князев, 1916: XIV].

Предсказание Ламанским мировой войны не было пророчеством в прямом смысле слова, напротив, оно вытекало из того цивилизационного учения, которое он разрабатывал на протяжении практически всей своей жизни. Многие положения, вошедшие в книгу Ламанского, были сформулированы еще 1860–е годы. Более того, в своем учении он опирался не только на анализ политико-географических особенностей цивилизационных миров, но и на их языковые предпочтения. Можно сказать, что языковые основания цивилизаций были для Ламанского возможно даже более существенны, чем географические условия, в которых формировались

культуры. Это обстоятельство, как правило, упускают те, кто пишет о геополитических взглядах Ламанского. Между тем главное в концепции русского мыслителя — это учение о языке как геополитической силе, а не только географическое определение цивилизационных миров.

Долгий жизненный путь дал возможность Ламанскому стать свидетелем нескольких крупных военных конфликтов: Крымская война, Русско-турецкая война 1877–1879 годов, Русско-японская война, Первая мировая война. Впрочем, старческие недуги уже не позволили ему оценить масштаб и значение начинающейся мировой войны. В течение десяти лет, с 1890 по 1900 год, он преподавал в Николаевской академии генерального штаба. При этом Ламанский оставался гражданским человеком. Основным местом службы для него был университет, а с 1900 года — Академия наук. В предисловии к переизданию «Трех миров Азийско-Европейского материка» Г.М. Князев писал, что Ламанский был «чужд всякой племенной или национальной исключительности, надменности или ненависти и злобы, тем более каких-либо воинственных видов и замыслов» [Князев, 1916: X]. Однако не все современники были согласны с такой характеристикой. Приведу еще одно мнение: «Ламанский — политикан, немного бисмаркист. <...> Сам он не любит Славян. Все это ужасная сволочь, дурачье — вот его подлинные слова. Как можно работать на славянскую идею, если иметь такое мнение о ее представителях. Он очень любит рассказывать на ухо тому другому, что говорил сегодня Игнатъев, как думают в таких-то и таких-то сферах. Науке своей он предан. Не верит в конституцию. Держится строго тайного догмата: “самодержавие, православие, народность”. Но к народности у него нет никаких слащавых симпатий. Он любит русский народ скорее головою, чем сердцем. Удивляется его политическому смыслу, его молодечеству. <...> Сентиментализма, мистицизма нет и следа. Скорее — ехидство, насмешка и спокойный трезвый взгляд. <...> Он все-таки страдает по России. Теперь он предлагает войну с Германией, чтобы отвлечь Россию от социализма. Средство, действительно, героическое, но и опасное» [де Волан, 1914: 153]. Конечно, памфлету Г. де Волана нельзя полностью доверять, но он отмечает ряд реалистических черт в мировоззрении Ламанского, которые не позволяют однозначно отнести его к последователям политического панславизма. Критическое отношение Ламанского к славянам было следствием близкого знакомства со славянской интеллигенцией и реальной ситуацией в землях южных и западных славян. Отсюда жесткие выпады Ламанского против панславизма, приведшие в конце 1880–х годов к конфликту с большинством членов Санкт-Петербургского славянского

А.В. Малинов
В.И. Ламанский: цивилизация и война языков

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
ЦЕННОСТИ.
ИДЕАЛЫ**
■■■■■■■■■■

благотворительного общества [Медоваров, Снежницкая, 2019] (Ламанский стоял у истоков этого общества и одно время был его председателем). Надо заметить, что Первая мировая война также подтвердила верность оценок ученого, окончательно похоронив панславистские иллюзии. Современные исследователи подтверждают эти наблюдения. Так, по мнению М.А. Робинсона, Ламанский «придерживался в целом консервативных воззрений, но при этом позволял себе довольно резкую критику как внешней политики России, так и, в особенности, ее внутренних порядков и никогда не страдал политическим панславизмом и тем более панрусизмом» [Робинсон, 2004: 303]. О.В. Саприкина полагает, что взгляды Ламанского не имеют ничего общего с имперским панславизмом. Напротив, русский историк был сторонником идеи «постепенного распространения “нравственного” влияния России» [Саприкина, 2004: 21].

Рассматривая вопрос об отношении Ламанского к войне, надо различать, с одной стороны, его личное восприятие и оценку конкретных военно-политических событий и, с другой стороны, значение войны в его цивилизационном учении. В первом случае, действительно, можно встретить воинственные заявления ученого, в то время как в своем учении он выступал явным сторонником мирного разрешения конфликтов. Первые оценки Ламанским военных действий относятся к периоду Крымской войны, то есть фактически совпадают с годами формирования его мировоззрения. Дневники двадцатилетнего студента отчасти приоткрывают его взгляды той поры.

В них он не дает описаний самих событий, а только формулирует свое восприятие их и оценку. При этом надо помнить, что Ламанский считал себя последователем славянофилов, а формирование его взглядов как раз пришлось на студенческую пору, поэтому в дневниковых записях хорошо просматривается эта славянофильская аксиоматика. Славянофильский тезис о безгосударственности русского народа означал приоритет истории народа и его культуры над историей государства, внутреннего развития над изменениями внешних форм жизни, духовных преобразований над политическими. 29 июня 1853 года Ламанский рассуждал в дневнике о необходимости сторониться внешних конфликтов и заботиться о внутреннем развитии народа: его образовании, торговле, местной администрации. Для этого требуется как освободить крестьян от крепостного рабства, так и предоставить народу полную свободу слова. От начавшейся войны он ожидал в первую очередь пробуждения русского общества и разрешения славянского вопроса в Европе. Он еще был полон надежд на успешный для России ход военных действий: «...мы не можем оставить

их в Черном море, позволить им бесчинствовать в Балтийском море», русские должны побывать в Темзе и отплатить англичанам все их мерзости и нанести им тяжкий удар в Индии» [СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2: 4 об.]. Для этого, замечает молодой человек, нужен генерал, подобный А.В. Суворову. Однако военные неудачи вскоре не оставили от оптимизма и следа. Уже 11 сентября 1853 года он записал в дневнике: «Неужели уж все мы славяне такое племя негодное для политического могущества? Неужели кара Божья постигнет нас за гордость Николая, за все его ошибки и черные дела? <...> Запад должен был пасть, а не мы. Не то еще бывало с Русью, а выходила же каждый раз с новыми силами. Николай опомниться, возьмется за ум (хоть и сильно поздно) и пойдет наперекор многим своим мечтам. Еще не умрет он, а убедиться, что неограниченное правление — нелепость противная разуму, нашей вере, нашей истории, что она может совершенно погубить Россию; он поймет, что дружба с Австриею, истекающая из того же начала, нам пагубна. Ему ясно представится, что торжество нашего дела принадлежит народному духу, народным силам, а не той пакостной форме, которая Европе кажется главным нашим отличием, которая, продлись еще дольше, многое могла бы если не истребить, то развратить» [СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2: 22 об.]. Из цитаты видно, что Ламанский готов считать военные поражения следствием не столько ошибок правительства и военного руководства, сколько качеств личности (гордыней) правителя и отказом от народных начал в жизни, в том числе политической. Самодержавие, отстранившееся от народа и замкнувшееся в историческом самодовольстве и казенно-бюрократическом самолюбовании, оказывается неспособным опереться на народные силы, а без народа и само становится бессильным в противостоянии внешним врагам. Возможность победы он по-прежнему видит во внутреннем преодолении тех грехов, которыми поражена политическая система империи; он понимает, что при нынешнем положении дел Россия не заслуживает победы, как и ее правители. «Но во всяком случае, — замечает Ламанский, — дерзко и бессмысленно желать нам огромного успеха и победы теперь, т. е. победы решительной. Надо купить ее долгими страданиями, поражениями и спокойствием духа, полного упования и надежды на конечное торжество нашего дела. Запад еще слишком силен, чувствует слишком хорошо, что эта борьба на жизнь или смерть. Тяжелыми опытами, трудами вековыми приобрел он то, что теперь имеет. Он не легко свое отдаст. С другой стороны, и цель наша слишком далека, и последствия победы слишком громадны, слишком велики для России, чтобы она могла достичь ее, эту цель, в несколько месяцев. Надо, чтобы славяне соединились

А.В. Малинов
В.И. Ламанский: цивилизации и война языков

В записях Ламанского звучат характерные в том числе для славнофилов провиденциальные мотивы. В военных неудачах он готов видеть проявление промысла Божия и наказание за грехи страны и народа. Он не воспроизводит непосредственно средневековое учение о казнях Божиих, а лишь полагает, что высшая цель Крымской войны — вызвать покаяние русского общества в совершенных мерзостях, раскаяться в грехах крепостного права и национального превосходства и тем самым пробудить русский народ к новому служению, дать ему новые силы. 28 сентября 1853 года он пишет в своем дневнике: «Будет, что будет... Вот торжественная минута для России! Понимает ли она ее! Не слишком ли мы окунулись в грязь рабства? Достойны ли мы победы, но, с другой стороны, заслужил ли ее и Запад и неужели Николаевский кулак мог так унижить, так уронить нашу матушку Россию? Неужели победа русских над Западом не может совпасть с падением деспотизма и всех зол?» [СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2: 24.] Рассуждения Ламанского близки мотивам известного стихотворения А.С. Хомякова — «России» (1839).

В пору патриотического подъема борьбы за освобождение Балкан Ламанский ощутил потребность большей практической деятельности. В Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе он занялся сбором средств для помощи восставшей Герцеговине, поддержки добровольческого движения и т.п. Тогда же он выполнял некоторые тайные поручения гр. Н.П. Игнатьева, явно не связанные с научными командировками. Один из учеников Ламанского И.И. Соколов (брат известного слависта М.И. Соколова, тоже ученика Ламанского), живший в семье Н.П. Игнатьева в качестве домашнего учителя его детей в имении Круподерницы Киевской губернии, писал своему учителю 19 июня 1878 года: «Интересуюсь очень подробностями Вашей миссии в Вену и Прагу, о которой сообщил мне Н.П., сказав только, что она б[ыла] вполне удачна — Вы сделали все, что нужно. Жаль только, что все это теперь — ни к чему, по крайней мере до поры до времени. Н[иколай] Павлович справедливо видит в Вас вожака панславистов — в лучшем смысле слова — среди ученых славян. При теперешнем М[инистерст]ве ничего нельзя поделать и воспользоваться добрыми услугами знатоков славянства. М[инистет]во радо было бы, чтобы все эти славяне куда-нибудь провалились...» [СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1309: 27 об.].

Подозрения австрийского правительства к Ламанскому и его ученикам, вероятно, не были совсем уж беспочвенными. Приветствуя начало войны за освобождение Болгарии в одном из выступлений в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе, Ламанский отмечал, что наступает новый исторический период — славянский — признаком которого является «народное и общественное движение в пользу славян» [Первые 15 лет..., 1883: 457]. Более того, это движение приобрело государственное значение, следствием чего и стало объявление войны.

Недовольство итогами Русско-турецкой войны, нерешенность славянского и восточного вопроса, вызвало у Ламанского ощущение неизбежности нового конфликта. В письмах И.С. Аксакову он не скрывал своего разочарования и прямо указывал на приготовления к новой войне. Так он писал 30 июня 1878 года своему адресату: «Вы вероятно знаете, что мы готовимся к войне с Австриею. Правительство, по крайности Военное Ведомство просило моего содействия, как одного из ревнителей слав<янского> дела в России. Меня недавно в Штабе просили о доставлении разных сведений. Между прочим спрашивают, в какой степени можно рассчитывать на содействие и помощь буковинских раскольников. Я отвечал, что я тут ничего не знаю и всего лучше мог бы это разъяснить Аксаков. Лицо, с которым просил меня иметь дело генерал Обручев, полковник Бенеvский, просил меня самого написать Вам и просить Ваших сведений и указаний. Из Буковины нужны верные и постоянные сведения о движениях войск и об укреплениях горных переходов.

Узнайте ка, Иван Сергеевич, посекретнее, через Ваших მო<овских> староверов, в какой степени можно на буковинских рассчитывать, отпишите и научите, что делать. <...>

Страшно тяжелые времена переживаем теперь. Как слышу из одного источника (не Игнатьев), то во всем виноват в<еликий> кн. Никол<ай> Ник<олаевич>, который по переходе через Балк<аны> спешил только в Петерб<ург>, портил все дело Игнатьеву; его вина, что мы не заняли Конс<тантино>поля, ни при нем, ни после, когда приехал Тотлебен, который нашел армию деморализованною: так Ник<олай Николаевич> внушил ей, что война кончена и все будто распущены.

Конгресс был уже необходим для проволоочки и для военных и морских приготовлений. Я полагаю сам от себя, что раз решились отступать, то чем больше уступок, тем лучше, потому что все равно война неизбежна. Разумеется, унижительно и гадко даже на словах уступать горную Болгарию, Балканы. Но что делать, если не можем по ничтожности начать войну сейчас.

А.В. Малинов
В.И. Ламанский: цивилизация и война
языков

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

Мне кажется, что война неизбежна осенью или зимою. И к войне с Австриею мы готовимся. Относительно же Англии чуть ли не ограничимся демонстрациями. Так по крайней мере мне говорили военные люди. Но мне что-то не верится. Но что против Австрии принимаем разные меры, того не скрывали от меня» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 323: 1–2]. В этом же письме Ламанский просил И.С. Аксакова сообщить номер «Московских ведомостей», в которых была опубликована его речь 22 июня 1878 года, осуждающая результаты Берлинского конгресса. Для московского славянофильства эта речь имела печальные последствия: Московский славянский комитет был закрыт, а И.С. Аксаков выслан из Москвы во Владимирскую губернию.

Ламанский был убежден, что невозможность в полной мере воспользоваться итогами русско-турецкой войны объясняется слабостью русской администрации, ее ненародным, бюрократическим характером и отстранением от принятия решений патриотически настроенных деятелей. В очередном письме И.С. Аксакову 8 июля 1878 года он сетовал: «Вчера в вагоне жел<езной> дороги во всеуслышание два соседа друг другу совершенно незнакомые ругали Берл<инский> мир и посла-жандарма. Говорят, что Шув<алов> решительно не хочет ехать <...> в Лондон, метя в Министры, но им-де очень недовольны и посылают назад в Лондон или оставляют в Госуд<арственном> Совете. Грейс будто бы принял портфель М<инист>ра Финанс<ов> со слезами на глазах, умоленный и упрощенный: и как пажу не поправить наших Финансов! Его же товарищ, паж и жандарм, хочет и может быть М<инист>ром Иностр<анных> Дел. Да, нашим поколениям не видать красных дней. В войне, в одной войне я вижу спасение для России. Иначе все так называемое внутреннее развитие теперь рекомендуемое будет заключаться в разных полицейских мерах» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 323: 4 об.]. Войну, как видно из цитаты, Ламанский рассматривал не как средство территориальных приобретений, а в качестве способа обновления России, устранения от власти бездарных руководителей. Главная цель войны — изменение самой страны, а не решение внешнеполитических задач. Ламанский искренне надеялся, что тот патриотический подъем, которым было охвачено русское общество в пору войны на Балканах, послужит изменению и внутренней политики государства, обратит власть к нуждам и интересам русского народа, а через них и к решению славянского вопроса.

Внимательно следя за изменяющейся политической обстановкой, Ламанский периодически в письмах вновь возвращался к мыслям о неизбежности войны и необходимости ее предотвращения. Так, в послании А.Н. Веселовскому 3 декабря 1886 года

он замечал: «Как ни желаешь для России союза с Франциею, но не веришь в него. На кого в самом деле нам положиться? Не может быть никакой уверенности <...> Войне с Германиею я не верю. Она сама не может этого желать, а мы и подавно. Но с Австриею можно ожидать еще нынешней весной» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 45. Оп. 3. Ед. хр. 467: 7]. 31 марта 1888 г. он уже писал И.П. Минаеву: «Как будто и взаправду никто войны не желает, а все страшно готовятся и до нельзя разоряются на всякого рода вооружения. Помоему, если война неизбежна уже, то окончательный успех вероятнее за тем, кто позже всех ступит. Удастся ли нам выждать» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 340. Оп. 2. № 33: 37]. 22 июня 1890 г. из Боровичей Ламанский сообщал Л.Н. Майкову: «Германия просто торопиться к войне. В этом, конечно, ее интерес, как наш в том, чтоб ее оттянуть хоть лет на десять. Но кому удастся?» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 3. № 615: 46 об.] Видно, что мысли о грядущей войне не оставляли ученого. В эти же годы окончательно вызревала его концепция «трех миров».

В книге «Три мира Азийско-Европейского материка» Ламанский указывал на существование трех цивилизационных центров, существование которых во многом было определено их географическими различиями: Европы, Азии и Среднего или греко-славянского мира. Цивилизационные противоречия и нерешенность восточного вопроса, под которым Ламанский понимал установление внятной границы между романо-германской Европой и Средним миром (то есть для греко-славянского мира это был «западный вопрос») влекли неизбежность военного столкновения. В своих многочисленных трудах, прежде всего в докторской диссертации «Об изучении греко-славянского мира в Европе» (1871), он указывал на давний, многовековой конфликт славянства и германства, приводил многочисленные его подтверждающие примеры и мнения европейских, главным образом немецких, ученых и публицистов, выражающих негативную оценку славянства. Убеждение Ламанского в неизбежности войны было не пророчеством, а результатом анализа как политической ситуации, так и широкого историософского взгляда на взаимные отношения романо-германцев и славян. Желая избежать войны, Ламанский предлагал заключать союзы с различными частями Европы, ведь европейских мир не является однородным, он состоит из шести примерно равных и в известной степени конкурирующих между собой частей. Однако, признавал он, в случае усиления России европейцы объединяются и забывают взаимные претензии и обиды, поэтому любые союзы не надежны и носят временный характер, они могут лишь отложить военный конфликт. Европа не заинтересована в консолидации вокруг России славянских народов, в которых видит,

А.В. Малинов
В.И. Ламанский: цивилизации и война
языков

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

говоря словами Н.Я. Данилевского «этнографический материал». В этой ситуации развитие России может быть осложнено внешним нападением, войной. «Нет никакого сомнения, — признавал Ламанский, — сама Россия этого внешнего бедствия, войны с ее ужасами никогда не вызовет <...> но отрицать всякую возможность такой войны нет основания, хотя она и в высшей степени нежелательна» [Ламанский, 1892: 128]. Более того, «если же она когда-нибудь да будет, то без сомнения своими размерами и бедствиями она превзойдет войны 1812 и 1813 гг.» [Ламанский, 1892: 128]. Война может начаться, полагал Ламанский, с нападения Пруссии и Австрии. «Главный расчет германских военных стратегов в будущей предполагаемой войне с Россией основан именно на неряшливости и неисправности как железнодорожных, так и прочих наших органов управления», — уточнял он [Ламанский, 1892: 101]. Однако, если союзы и соглашения способны лишь временно оттянуть начало войны, то есть не являются надежным механизмом ее предотвращения, то нужно другое средство, посредством которого Россия могла бы привлечь к себе более надежных союзников и отстаивать свои политические и культурные интересы. Таким средством в учении Ламанского выступает язык. 22 мая 1889 года он записал в дневнике: «У сильного всегда будут друзья, настолько верные и искренние, поскольку и покое он силен и силу свою понимает. Россия должна не плакаться и не думать, что у нее нет друзей, а, напротив того, ежечасно заявлять, что у нее друзей и союзников много, только свиснуть, что каждый де за честь почтет стать ее другом» [СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 3: 12]. Политическая изоляция, отсутствие надежных союзников делает Россию уязвимой и подталкивает ее противников к нападению. Поэтому так важно привлечь на свою сторону народы не только единоверные, но и единокровные. Основным объединяющим началом такого союза должна выступать культура и ее главный проводник — развитый литературный язык, признаком которого является, в первую очередь, богатая словесность, имеющая мировое значение. Еще так называемые ранние славянофилы «в своих лингвофилософских работах обосновали положение о тождестве языка и самосознания народа <...> Язык не нечто отвлеченное, а живое, неразрывно связанное с духом и мыслью народа, поэтому история языка воспринималась ими как история народа» [Безлепкин, 2020: 143].

С первых своих работ Ламанский последовательно выступал за признание славянами русского языка в качестве общего литературного, научного и дипломатического языка. Залог успеха этого дела он видел в том, что еще на заре славянской истории славянские народы имели общий письменный и богослужебный язык,

созданный свв. Кириллом и Мефодием. Утрата этого общего языка, который удержался только у православных славян в качестве богослужебного, была величайшей потерей в славянской истории. «Без общих начал и идей, без грамоты и письменности, — утверждал Ламанский в одном из выступлений в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе, — племена самые близкие по происхождению с течением времени дробятся и раскалываются, расходятся врозь, подпадают чужой враждебной власти и чужим влияниям, лишаются своей целостности, теряют даже память об общем своем происхождении и первоначальном единстве, наречия их до того расходятся, что они перестают понимать друг друга. Когда соплеменные народности при взаимных сношениях начинают уже прибегать к чужому, иноплеменному языку, то они тем самым показывают свое взаимное отчуждение и большую свою близость к иноплеменникам, чем сородичам» [Ламанский, 1885: 210–211]. Отсутствие общего языка и, как следствие, общего образования и культуры, препятствует объединению славян. «Но славянство, — продолжал он, — нуждается в живом общем языке, для взаимного понимания и общения, для рассеяния многочисленных недоразумений, накопившихся в течение долговечной разлуки между различными народностями» [Ламанский, 1885: 212]. Языковое сближение должно стать первым шагом и к политическому объединению славян, которое Ламанский относил к отдаленной исторической перспективе. Его личный опыт и свидетельства учеников, посещавших славянские земли, внушали оптимизм. Например, во время своей первой заграничной командировки Ламанский писал И.С. Аксакову 2/14 июля 1862 года из Вены: «С Дрездена я не перестаю говорить по-русски. Это только, по-моему, слабый намёк на то, чем будет русский язык через какие-нибудь 50 лет, когда уже теперь при нашей цензуре, при жалкой книжной торговле, при отсутствии в землях славянских кафедр русского языка, русской литературы и истории он мог так распространиться» [СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1: 2 об.]. А 7/19 авг. 1862 года он писал уже из Будины родителям: «Здесь в Венгрии, кстати сказать, нет ни одного мало-мальски образованного славянина, который бы не был убеждён в том, что русский язык должен быть общим, письменным языком для всех народов Славянских» [СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 35 об.–35]. Многочисленные аналогичные примеры и рассуждения содержатся в письмах и статьях как самого Ламанского, так и в корреспонденции его учеников.

Цивилизационные миры, таким образом, определяются не только географическими границами, но и пределами распространения языка, который объединяет народы, служит средством

А.В. Малинов
В.И. Ламанский: цивилизации и война языков

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

коммуникации, является языком письменности и высшей образованности. «Ламанский, — пишет В.А. Куприянов, — исходил из понимания фундаментальности факторов языка, психологии народов и из идеи исторической детерминированности отношений между народами» [Куприянов, 2018: 31]. Для греко-славянского мира таким языком может быть только русский язык, который выступает наследником общеславянского письменного языка свв. Кирилла и Мефодия и греческого языка, связывающего Средний мир с наследием Античности. В Европе же конкурируют между собой французский, испанский, итальянский, немецкий и английский языки. Однако Ламанский убежден, что в ближайшем будущем немецкий, итальянский и французский языки сохранят свое значение лишь в Европе, в то время как испанский и английский языки, благодаря широкому распространению, получают всемирно-историческое значение. В будущем, предполагал Ламанский, возможно, и южноамериканские колонии испанцев перейдут под власть англосаксов [Ламанский, 1892: 34]. Господство английского языка в Северной Америке приведет к тому, что центр западного мира переместится в Новый Свет. Европа постепенно уступит культурное первенство Америке. Английский язык станет в полной мере всемирно-историческим языком. «Между тем англо-саксонская речь и национальность, — уточнял Ламанский, — располагая громадным пространством пустопорожних земель, может и будет неудержимо распространяться и множиться до размеров едва ныне предвидимых, постоянно обновляясь и освежаясь до бесконечного почти разнообразия самыми разноплеменными и разнокультурными элементами. Естественно поэтому предполагать, что в будущем английская литература и образованность <...> будет отличаться наибольшим разнообразием, свежестью и сочностью содержания, широтою и самобытностью воззрений, большею чуткостью к потребностям человечества, большею универсальностью идей и стремлений. Таким образом есть полная вероятность заключать, что Европа не может навеки, говоря относительно даже едва ли надолго, сохранить свое первостепенное значение в мировой политике и образованности. Вследствие неудержимого размножения англо-саксов в Новом Свете, от естественного прироста и от переселений из Европы, все прочие романские и германские национальности и языки Старого Света принуждены будут ранее или позже снизойти до речи второстепенных деятелей в мире романно-германском» [Ламанский, 1892: 37–38].

Надо понимать, что преобладание английского языка не вытекает из качества и разнообразия англоязычной литературы. Романоязычная литература с ней успешно конкурирует.

Господство английского языка обеспечивает колониальная система, мощь самой Британской империи. «Таким образом, — заключал Ламанский, — английский язык распространен на всем земном шаре, и можно сказать, что рано или поздно английский язык приобретет всемирное значение, и значение всех других языков в сравнении с ним станет ничтожным» [Ламанский, б. г.: 25]. Однако в Среднем мире всемирно-историческая роль принадлежит русскому языку, который должен стать общим литературными, научным и дипломатическим языком для всех этнических стихий греко-славянского мира.

Ламанский приходил к выводу, что тенденция цивилизационного развития состоит в постепенном отходе от соперничества государств и народов, которое приводило к многочисленным войнам. На смену им приходит конкуренция всемирно-исторических языков, которые объединяют регионы и населяющие их народы в единые цивилизационные миры. Господствующее положение занимает та цивилизация, которая посредством языкового, а значит и культурного доминирования контролирует большие географические пространства и народы. На место вооруженных противостояний приходят войны языков. Посредством языкового влияния привносятся ценности другой культуры, устанавливается иерархическое отношение господства и подчинения [Шиповалова, 2019: 57]. Наиболее болезненный удар, который можно нанести по цивилизации — это ограничить использование ее языка, как в быту, так и в науке, вытеснить на периферию ее литературу, отказывая ей во всемирно-историческом значении. Еще в 1860–е годы Ламанский сформулировал учение о «языковой игемонии», согласно которому языковое доминирование идет рука об руку с государственным могуществом. Он видел в этом проявление своеобразного исторического закона, в силу которого одно из наречий приобретает господствующее положение, позволяющее объединить разрозненные народы, то есть выступает по его выражению «силой центростремительной». Распространение влияния цивилизации также осуществляется посредством языка, то есть экспансии на другие народы ее литературных, научных и т. п. достижений. В заключение приведу слова одного из учеников Ламанского К.Я. Грота, сказанные после смерти учителя: «Он, несомненно, принадлежал к тем избранным, редким людям, чья жизнь и деятельность представляют и знаменуют целую эпоху, которые, прокладывая своими трудами и умственным творчеством глубокие борозды на ниве культурного развития своего народа и обильно засеивая эту ниву, не успевают, однако, пожать плоды своих усилий, — которые обыкновенно остаются не оцененными и не признанными в настоящем, но сознательно готовят

А.В. Малинов
В.И. Ламанский: цивилизации и война языков

■■■■■■■■■■
**СИМВОЛЫ.
 ЦЕННОСТИ.
 ИДЕАЛЫ**
 ■■■■■■■■■■

почву и работают для будущей своей родины... Современники редко умеют их понять: в широких кругах общества они слышат часто чуть ли не отсталыми, благодаря хотя бы своему особому интересу к национальной старине, фантастами, неисправимыми идеалистами-мечтателями, людьми не от мира сего (как это было и с московскими славянофилами, к которым идейно примыкал Владимир Иванович), но в действительности они оказываются наиболее передовыми, дальновидными и яркими провозвестниками грядущего развития и судеб своего народа» [Грот, 1915: 4].

V.I. Lamansky: Civilizations and the War of Languages

Alexey V. Malinov

Doctor of Philosophy, Professor.

St. Petersburg State University.

7/9, Universitetskaya Emb., 99034 Petersburg, Russian Federation.

Institute of Human Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia.

48, Moyka Emb., 191186 Saint Petersburg, Russian Federation.

ORCID 0000-0002-1252-9193

a.v.malinov@gmail.com

The article deals with the problems of language and war in the civilizational concept of the Slavist Academician V.I. Lamansky. Lamansky's attitude to the Crimean War and Russian-Turkish War of 1877–1879 is traced on the basis of archival documents. His assessments of military and political events are given. It is pointed out that Lamansky's political-geographical doctrine formulated in his treatise «The Three Worlds of the Asian-European Continent» (1892) and in his earlier works, was a development of the Slavophile ideas and included the provisions later developed by Eurasianists. It is pointed out that he gave not only a geographical but also a linguistic definition of civilizations, in particular, he believed that civilizational worlds are held together by a common language (world-historical language). According to Lamansky, who formulated the doctrine of linguistic hegemony, the competition between peoples and states, including military, is replaced by the competition of world-historical languages. In Europe, he believed, three Romance languages (French, Italian and Spanish) and two Germanic languages (English and German) are struggling with each other. Of these, only Spanish and English, thanks to the vast colonies of Great Britain and the former colonies of Spain, could retain their world-historical significance. In time, he suggested, even Spain's former colonies in South America might come under Anglo-Saxon rule, and the center of the Western world would shift to the New World. In the Middle World or the Greco-Slavic world, Russian has no competitors, so it should be a common literary, scientific and diplomatic language, uniting the peoples of the Middle World in a civilizational unity. Language is the

main geopolitical force through which cultural and, in the long term, political unity is first formed. Based on the philosophical and historical analysis of the contradictions between the Romano-Germanic and the Greek-Slavic worlds, Lamansky concluded that the coming world war was inevitable.

Keywords: civilization, political geography, language, Lamansky, Greco-Slavic world, Europe, war.

For citation: Malinov A.V. V.I. Lamansky: Civilizations and the War of Languages // *Chelovek*. Vol. 34, N 1. P. 130–147. DOI: 10.31857/S023620070024834-4

А.В. Малинов
В.И. Ламан-
ский: цивили-
зации и война
языков

Литература/References

Безлепкин Н. От словологии к философии языка: эволюция лингвофилософских учений в России // *Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии*. 2020. № 1. С. 139–156.

Bezlepkin N. Ot slovologii k filosofii yazy`ka: e`volyuciya lingvofilosofskikh uchenij v Rossii [From Wordology to Philosophy of Language: Evolution of Linguophilosophical Doctrines in Russia]. *Filosofskij polilog: zhurnal Mezhdunarodnogo centra izucheniya russkoj filosofii*. 2020. N 1. P. 139–156.

Волян Г. де Очерки прошлого // *Голос минувшего*. 1914. № 4. С. 122–153.

Volan G. de Ocherki proshlogo [Essays on the Past]. *Golos minuvshego*. 1914. N 4. P. 122–153.

Грот К.Я. Владимир Иванович Ламанский. Пг.: Тип. Т-ва А.С. Суворина, 1915.

Grot K.Ya. *Vladimir Ivanovich Lamanskij* [Vladimir Ivanovich Lamansky]. Petrograd: Tip. T-va A.S. Suvorina, 1915.

Ламанский В.И. Кирилло-Методиевская идея // *Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества*. 1885. № 4. С. 208–212.

Lamanskij V.I. Kirillo-Mefodievsкая ideya [The Cyril and Methodius Idea]. *Izvestiya S.-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*. 1885. N 4. P. 208–212.

Ламанский В.И. Лекции по славянским наречиям, читанные профессором С.-Петербургского университета В.И. Ламанским за 1880–1881 акад. год [СПб.: Литография Гробовой. Б. г.

Lamanskij V.I. *Lekcii po slavyanskim narechiyam, chitanny'e professorom S.-Peterburgskogo universiteta V.I. Lamanskim za 1880–1881 akad. god* [Lectures on Slavic dialects, read by the professor of S.-Petersburg University V.I. Lamansky for 1880–1881 acad. year] [St Petersburg: Litografiya Grobovoj. B. g.

Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб.: Типо-хромолитография А. Траншеля, 1892.

Lamanskij V.I. *Tri mira Azijsko-Evropskogo materika* [Three worlds of the Asian-European continent]. St Petersburg: Tipo-xromolitografiya A. Transhelya, 1892.

Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX в. М.: Индрик, 2005.

Lapteva L. P. *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX v.* [History of Slavic Studies in Russia in the XIX century]. Moscow: Indrik Publ., 2005.

- Лантеева Л. П. Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) и его ученики // Славяноведение. 2014. № 6. С. 82–96.
- Lapteva L. P. Vladimir Ivanovich Lamanskij (1833–1914) i ego ucheniki [Vladimir Ivanovich Lamansky (1833–1914) and his pupils]. *Slavyanovedenie*. 2014. N 6. P. 82–96.
- Князев Г. Предисловие // Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. Пг.: Тип. А.С. Суворина — «Новое время», 1916. С. III–XX.
- Knyazev G. Predislovie [Preface] in Lamanskij V.I. *Tri mira Azijsko-Evropejskogo materika* [Three worlds of the Asian-European continent]. Petrograd: Tip. A.S. Suvorina — «Novoe vremya», 1916. P. III–XX.
- Куприянов В.А. Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А.С. Хомяков и В.И. Ламанский) // Соловьевские исследования. 2018. № 2 (58). С. 21–33.
- Kupriyanov V.A. Rossiya i Evropa v rannem i pozdнем slavyanofil'stve (A.S. Khomyakov i V.I. Lamanskij) [Russia and Europe in Early and Late Slavophilism (A.S. Khomyakov and V.I. Lamansky)]. *Solov'evskie issledovaniya*. 2018. N 2 (58). P. 21–33.
- Медоваров М.В., Снежницкая С.И. Раскол среди поздних славянофилов и роль В.И. Ламанского в нем (1887–1897 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 38–47.
- Medovarov M.V., Snezhniczkaya S.I. Raskol sredi pozdних slavyanofilov i rol' V.I. Lamanskogo v nem (1887–1897 gg.) [Schism among the late Slavophiles and the role of V.I. Lamansky in it (1887–1897)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2019. N 5. P. 38–47.
- Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества (бывший Петербургский отдел славянского благотворительного комитета в Москве) по протоколам общих собраний его членов, состоявшимся в 1868–1883 гг. СПб.: типография А.М. Котомина и К°, 1883.
- Pervye 15 let sushhestvovaniya S.-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva (byvshij Peterburgskij otdel slavyanskogo blagotvoritel'nogo komiteta v Moskve) po protokolam obshhix sobranij ego chlenov, sostoyavshimsya v 1868–1883 gg. [The first 15 years of existence of St.-Petersburg Slavic Benevolent Society (former St.-Petersburg branch of Slavic Benevolent Committee in Moscow) according to minutes of general meetings of its members, held in 1868–1883]. St Petersburg: tipografiya A.M. Kotomina i Ko, 1883.
- Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004.
- Robinson M.A. *Sud'by` akademicheskoy e`lity`: otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-x godov)* [The Fates of the Academic Elite: National Slavic Studies (1917 - early 1930s)]. Moscow: Indrik Publ., 2004.
- Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН (РО ИРЛИ РАН). Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 323.
- Rukopisny otdel Instituta russkoj literatury (Pushkinskij dom) RAN [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of RAS] (RO IRLI RAN). F. 3. Op. 4. Ed. xr. 323.
- РО ИРЛИ РАН. Ф. 45. Оп. 3. Ед. хр. 467.

- RO IRLI RAN. F. 45. Op. 3. Ed. xr. 467.
- РО ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 3. № 615.
- RO IRLI RAN. F. 166. Op. 3. № 615.
- РО ИРЛИ РАН. Ф. 340. Оп. 2. № 33.
- RO IRLI RAN. F. 340. Op. 2. № 33.
- Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. xp. 1.
- Sankt-Peterburgskij filial arxiva RAN [St. Petersburg Branch of Archive of Russian Academy of Sciences] (SPbF ARAN). F. 35. Op. 1. Ed. xr. 1.
- СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. xp. 44.
- SPbFA RAN. F. 35. Op. 1. Ed. xr. 44.
- СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. xp. 1309.
- SPbF ARAN. F. 35. Op. 1. Ed. xr. 1309.
- СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. xp. 2.
- SPbF ARAN. F. 35. Op. 3. Ed. xr. 2.
- СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. xp. 3.
- SPbF ARAN. F. 35. Op. 3. Ed. xr. 3.
- Саприкина О. В. Академик В.И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность. Автореф. дис. ... к. ист. н. М., 2004.
- Saprikina O. V. *Akademik V.I. Lamanskij (1833–1914): nauchnoe nasledie i obshhestvennaya deyatel'nost'*. Avtoref. dis. ... k. ist. n. [Academician V. I. Lamansky (1833–1914): scholarly heritage and public activity. D. thesis in historical sciences]. Moscow, 2004.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П. Владимир Иванович Лиманский как антропогеограф и политикогеограф // Живая старина. 1915. Вып. I–II. С. 9–20.
- Semenov-Tyan-Shanskij V.P. Vladimir Ivanovich Limanskij kak antropogeograf i politikogeograf [Vladimir Ivanovich Limanskiy as anthropogeographer and politico-geographer]. *Zhivaya starina*. 1915. Iss. I–II. P. 9–20.
- Тяпин И.Н. Проблема исторического возраста России в концепции О. Шпенглера в контексте влияния Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2. С. 37–45.
- Tyapin I.N. Problema istoricheskogo vozrasta Rossii v koncepcii O. Shpenglera v kontekste vliyaniya N.Ya. Danilevskogo i K.N. Leont'eva [The Problem of Russia's Historical Age in O. Spengler's Concept in the Context of the Influence of N.Y. Danilevsky and K.N. Leontiev]. *Filosofskij polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo centra izucheniya russkoj filosofii*. 2019. N 2. P. 37–45.
- Шиповалова Л.В. Идея соборности А.С. Хомякова: трансформация смысла в разных контекстах // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. №1. С. 53–66.
- Shipovalova L.V. Ideya sobornosti A.S. Khomyakova: transformaciya smy'sla v razny'x kontekstax [Khomyakov's Idea of Sobornost: Transformation of Meaning in Different Contexts]. *Filosofskij polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo centra izucheniya russkoj filosofii*. 2019. N 1. P. 53–66.

А.В. Малинов
В.И. Ламан-
ский: цивили-
зации и война
языков